

DOI 10.31029/vestdnc91/7

УДК 297.1.

**ПОСЛАНИЕ ШАЙХУ-Л-ИСЛАМА ДАГЕСТАНА САЛМАНА-АФАНДИ
СУЛТАНУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ АХМЕДУ III
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XVIII в.**

Ш. М. Хапизов, ORCID: 0000-0002-1958-9498

А. М. Нурмагомедов, ORCID: 0000-0000-0000-0000

М. Г. Шехмагомедов, ORCID: 0000-0002-3324-7419

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

**MESSAGE FROM SHAIKH-AL-ISLAM OF DAGHESTAN SALMAN-AFANDI
TO THE SULTAN OF THE OTTOMAN EMPIRE AHMED III
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS
AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY**

Sh. M. Khapizov, ORCID: 0000-0002-1958-9498

A. M. Nurmagomedov, ORCID: 0000-0000-0000-0000

M. G. Shekhmagomedov, ORCID: 0000-0002-3324-7419

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. Персидский поход стал одним из наиболее амбициозных геополитических проектов Петра I. В период кризиса державы Сефевидов России удалось включить в свой состав все западное побережье Каспийского моря на 13 лет (с 1722 по 1735 г.). Еще за несколько лет до этого похода тарковский владетель (шамхал) Адиль-Гирей, прежде являвшийся вассалом шахов Ирана, перешел на сторону Петра I. В ходе Каспийского похода он всячески пытался продемонстрировать свою верность, а также направить российские войска на владения своих противников внутри Дагестана. Однако впоследствии, уже после смерти Петра I, шамхал Адиль-Гирей стал противником закрепления России на западном Прикаспии. Его попытки противостоять империи закончились репрессиями для его подданных и последующим его пленением. Все эти события хорошо известны в отечественной историографии по российским и отчасти иранским источникам. Однако в нашем распоряжении не было собственно дагестанских источников, описывающих эти процессы. Этот пробел призвана восполнить данная статья, посвященная комментированному переводу арабоязычного сочинения «шайху-л-ислама Дагестана» Салмана-афанди, по существу являвшегося кадием Тарковского шамхальства и конечно же сторонником шамхала Адиль-Гирея. Данное послание было направлено ко двору султана Османской империи Ахмеда III с традиционным славословием и признанием его верховным халифом всех мусульман – суннитов. Несмотря на попытки Салмана-афанди представить Адиль-Гирея правителем Дагестана и сторонником султанов Османской империи, привлечение более широкого круга источников показывает, что данный шамхал неоднократно менял свою внешнеполитическую ориентацию и находился в состоянии постоянной конфронтации даже с другими кумыкскими владетелями, не говоря уже о всем Дагестане. Данный источник важен с нескольких точек зрения, и полный его перевод может быть использован для последующих исследований. Актуальность его введения в научный оборот определяется 300-летием Каспийского похода 1722–23 гг., а также необходимостью проведения новых исследований по данной тематике на основе более широкого круга источников.

Abstract. The Persian campaign became one of the most ambitious geopolitical projects of Peter the Great. During the crisis of the Safavid power, Russia managed to incorporate the entire western coast of the Caspian Sea. It took 13 years (from 1722 to 1735). A few years before this campaign, the Tarki ruler (shamkhal) Adil-Girey, formerly a vassal of the Shahs of Iran, had come over to the side of Peter the Great. During the Caspian campaign he tried in every possible way to demonstrate his loyalty, and also to direct Russian troops to the possessions of his opponents inside Daghestan. However, later, after the death of Peter I, Shamkhal Adil-Giray became an opponent of Russia's entrenchment in the western Caspian Sea. His attempts to oppose the empire ended in reprisals for his subjects and his subsequent capture. All these events are well known in domestic historiography from the Russian and partly Iranian sources. However, there were no Daghestani sources describing these processes at our disposal. This gap is intended to be filled by this article, which is devoted to a commented translation of an Arabic-language work by Salman-Afandi, the "shaykhu-l-Islam of Daghestan", who was in fact a cadius of the Tarkovsky shamkhaldom and, of course, a supporter of Adil-Girey. This message was sent to the court of Sultan Ahmed III of the Ottoman Empire with traditional praise and recognition of him as the supreme caliph of all Sunni Muslims. Despite Salman-Afandi's

attempts to present Adil-Girey as a ruler of Daghestan and a supporter of the Ottoman sultans, the involvement of a wider range of sources shows that this shamkhal repeatedly changed his foreign policy orientation and was in a state of constant confrontation even with the other Kumyk rulers, leave alone the whole of Daghestan. This source is important from several points of view and its full translation can be used for further researches. The relevance of its introduction into the scientific turnover is determined by the 300th anniversary of the Caspian campaign of 1722–23, as well as the need for new researches on this subject based on a wider range of sources.

Ключевые слова: Петр I, Сефевиды, шииты, сунниты, шамхальство, Крымское ханство, калмыки.

Keywords: Peter the Great; Safavids; Shiites; Sunnis; Shamkhaldom; Crimean Khanate; Kalmyks.

Данная статья посвящена переводу и введению в научный оборот письменного источника начала XVIII в. Это послание на имя султана Османской империи Ахмеда III (годы жизни: 1673–1736; годы правления: 1703–1730) с кратким освещением истории дагестано-османских взаимоотношений в XVI – начале XVIII в. Написано оно на арабском языке и дошло до нас в единственном списке – копии второй половины XVIII в. Копия была сделана уроженцем с. Дженгутай – Акаем, сыном Сулаймана ал-Джингути. Выявлено оно в частной коллекции бывшего имама г. Буйнакса Абдулкарима Магомедова (1970 г.р.), уроженца с. Гинух Цунтинского района. Автор данного послания называет себя шайху-л-исламом Дагестана Салманом-афанди. Исследование биографий всех известных дагестанских ученых-богословов начала XVIII в. убедило нас в том, что это Салман ат-Тлухи, т.е. Салман из Тлоха (ныне Ботлихский район).

Известно, что Салман ат-Тлухи ал-Авари был ученым-богословом, специалистом по исламскому праву, жившим в конце XVII – начале XVIII в. [1, с. 66]. Автор XIX в. упоминает Салмана из Тлоха в числе выдающихся дагестанских специалистов по исламскому праву, а также риторике. Известны его сочинения по мусульманскому праву, суфизму, грамматике арабского языка [1, с. 66]. В вопросе датировки смерти Салмана существует несколько разных гипотез, основанных на данных памятных записей. Однако подавляющее большинство хронографов сообщают, что «выдающийся ученый Салман, сын Али, сына Салмана, сына Касима» умер в 1144 г.х. (начался 5 июля 1731 г.) [2, с. 114]. По колофонам переписанных рукописей становится возможным установить наличие на рубеже XVII–XVIII вв. в Тлохе образовательного центра – мадраса, в котором получили образование многие богословы Горного Дагестана.

Салман являлся учеником и зятем кадия Аварского нуцальства – Шабана из Ободы (ум. в 1667 г.) [1, с. 66]. Последний являлся близким другом Али ал-Багдади – кадия Тарковского шамхальства. Очевидно, что Салман принадлежал к интеллектуальной элите Дагестана XVII – начала XVIII в. и вполне мог занимать пост кадия шамхальства. Поскольку шамхалы в государственной структуре Сефевидской империи имели статус валиев Дагестана [3, с. 215], соответственно, кадии этого государственного образования вполне логично носили титул шайху-л-ислам Дагестана. Я. Рейнегс указывает, что «шамхал за верность свою украшен был великолепным титулом “вали Дагестан”, а дети его большею частью воспитывались в Персии» [4, с. 269]. В Сефевидском Иране такие звания носили губернаторы пограничных провинций, имевших автономный статус. К примеру, существовали вали Курдистана, Гюрджистана, Луристана, Арабистана (Хузистана) и других провинций [5, с. 274].

Провинция Дагестан в составе державы Сефевидов в XVII в. включала в свой состав прикаспийскую низменность начиная от устья реки Сулак и вплоть до р. Количи (в районе г. Избербаша). Важно отметить, что в данном источнике вместо топонима Дагестан употреблен термин Тагистан (طاغستان). Садык Исфাহани (1609/10–1650/51) в своем географическом словаре в статье *Дагистан* приводит интересную версию этимологии данного термина. К общеизвестной этимологии («горная страна») он добавляет, что для обозначения термина «гора» в тюркском языке, используемом в Иране, употребляется слово *дагъ*, а в тюркском языке «Турана» (Средней Азии) – слово *такъ*. Соответственно, согласно мысли Исфাহани, в термине *Дагъистан*, *ت/т* переходит в

ـ/د, а ق/къ в غ/гъ [6, с. 25–26]. Однако в данном случае следует указать, что здесь применена фонема ط/тI, а не ت/т. Соответственно, данная версия оказывается уязвимой¹.

Тщательное сопоставление приведенных в документе сведений и дат приводит нас к выводу о необходимости датировать его 1727–29 гг. Нижним пределом служит упоминание в послании об аресте и дальнейшей судьбе Адиль-Гирея, а арест и последующая его экстрадиция в центральную часть России произошла во второй половине 1726 г. Верхним пределом служит упоминание в послании Бахты-гирея, который умер в 1729 г. Об этих событиях подробнее будет указано ниже.

Перевод:

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного. О, Милостивейший из милостивых!

Вся хвала Аллаху, явившему религию ислам вместе с появлением господина воителей [за веру]², и озарившему все сущее³ светом правления господина, являющего собой опору всех предводителей и правителей. И также хвала Ему, вознесшему знамена ислама правоверных посредством нашего правителя, являющего собой сень Аллаха [на земле] и халифом Господа миров, и одарившему его помощью своей и явной победой над всеми неверными народами, тем самым улучшив дела правоверных и указав им пути наставления и благоразумия против воли язычников.

Да благословит Аллах Мухаммада, которого Он ниспослал с руководством к прямому пути и истинной верой, чтобы вознести ее превыше любой религии, и весь его род.

Далее. Помощи и подмоги просят угнетенные жители Тагистана⁴, в том числе ученые и кадии, правители и наместники, старшины и старейшины, старики и молодежь, мужчины и женщины, у высокочтимого господина, верховного имама, великого и славного владыки, стража пути познания и истинных познаний, блюстителя целостности великолепного шариата, стирающего очертания неверия и ереси, установителя канонов праведности и благоразумия, правителя (*султан*), чьи прекрасные черты невозможно описать пером и нельзя постичь его предела самым высоким воображением, обладателю всех знаков величия и славы, поднявшему знамя почтения до небес, которому присущи благородство и явный довод, ясность и понимание, величие и мощь, великолепие и милость, милосердие и красота, потомку царей, кесарей и султанов, наследнику Сулаймана и Зу-л-карнайна⁵, нашему высокостепенному господину и защитнику Священного Писания (*Фуркан*), следуя в этом тексте [самого Корана]: «Воистину, Аллах велит вершить справедливость, добрые деяния...»⁶, правителю двух материков и двух морей⁷, служителю Двух Святынь, султану сыну султана, правителю борющемуся на пути Аллаха (*ал-гази*) Ахмад-хану сыну Мухаммад-хана⁸. Да останется балдахин его власти, величия и почтения растянутым над народом, а шатры его мощи и великолепия укрепленными опорами вечности. Амин!

¹ В качестве гипотезы можно предложить и собственно дагестанскую этимологию названия *Тагъистан* (طاغستان). Если исходить из корня *mlaǵy*, то следует отметить наличие подобной основы *mla* в дагестанских языках (в данном случае приводятся примеры из аварского языка) со значением «верх, верхний» (*mla-d*, *mla-cyab*), а само слово *mlaǵy* означает «рукоять оружия» (ср.: *mlaǵur* – «шапка»; *mlaǵ-du* – «пряслище»); от основы *mla* в аварском языке образовано несколько десятков слов с семантическим рядом, выстраивающимся вокруг значения «верх», «над» и т.д.). Соответственно, можно предполагать, что ойконим *Тагъистан* мог образоваться на основе корня *mlaǵy* с иранским топонимобразующим суффиксом *-стан* со значением «страна, область».

² Имеется в виду пророк Мухаммад.

³ Буквально: «весь свет вдоль и поперек».

⁴ Имеется в виду Дагестан. В тексте: Тагистан (араб. طاغستان).

⁵ В тексте: *Зу-л-карнайн ва-л-хавакин*, что буквально можно перевести следующим образом: «властелину всех земель на Востоке и Западе».

⁶ Коран, 16:90.

⁷ Имеется в виду расположение Османской империи на двух континентах и владение акваториями двух океанов.

⁸ Ахмед III (1673–1736), сын Мехмеда IV – султан Османской империи, правивший в 1703–1730 гг.

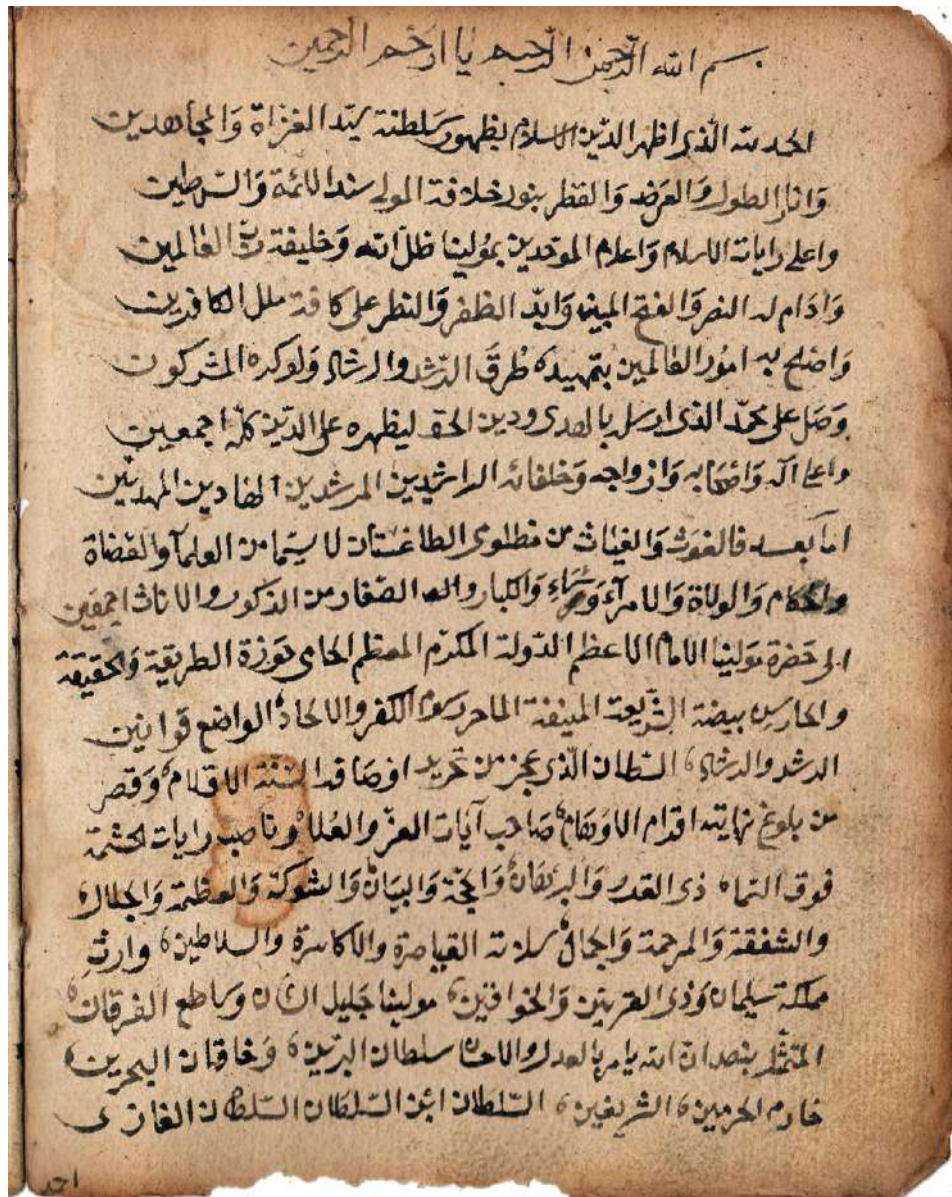

Рис. 1. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 1

Далее! Это прошение, представленное на край ковра великолепного халифата, да продлит Всевышний Аллах его прекрасные дни. Амин. О, правитель правоверных и вся община (*умма*) Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, [мы просим] вашей помощи! Мы являемся правоверными и следуем [повелениям] Благородного Писания и Великой Сунны, мы искренне верим в догмы религии и совершение желательных и обязательных деяний, молитв, поста, заката и хаджа присуще нам по природе, так же как [стремление] к познаниям и Корану, а обучение шариату свойственно нашей натуре, и мы неустанно скрытно и явно возносим свои молитвы за имамов наших и правителей.

До сей поры подобно точке в центре круга мы пребывали посреди неверных народов⁹, одерживая над ними вверх. И шамхал наш 'Адилгирай-шамхал'¹⁰ всегда окружал вниманием почтенных

⁹ Имеются в виду государства, граничившие с Дагестаном начала XVIII в.: Российская империя, Кахетинское царство и Сефевидская империя, которое также не считалось суннитскими богословами исламским государством. Кроме того, в тот период шиитская верхушка данного государства устраивала широкие репрессии против суннитов.

¹⁰ Тарковский шамхал Адиль-Гирей (ум. 1732; годы правления: 1720–1725), сын Будаи-шамхала.

старцев, и проявлял уважение к святым обладателям *караматов*¹¹. Он почитал знания и ученых, вершил правосудие и карал всех чинящих произвол. Тем самым под его правлением исполнялись все законы и под его взором дела управления шли благополучно. Он освобождал бедных от бремени и гнета, прощал [народу] их прегрешения, забывчивость и долги, обеспечивая им спокойствие и защиту¹² и проявля к ним свое почтение, доброту и благонаравие.

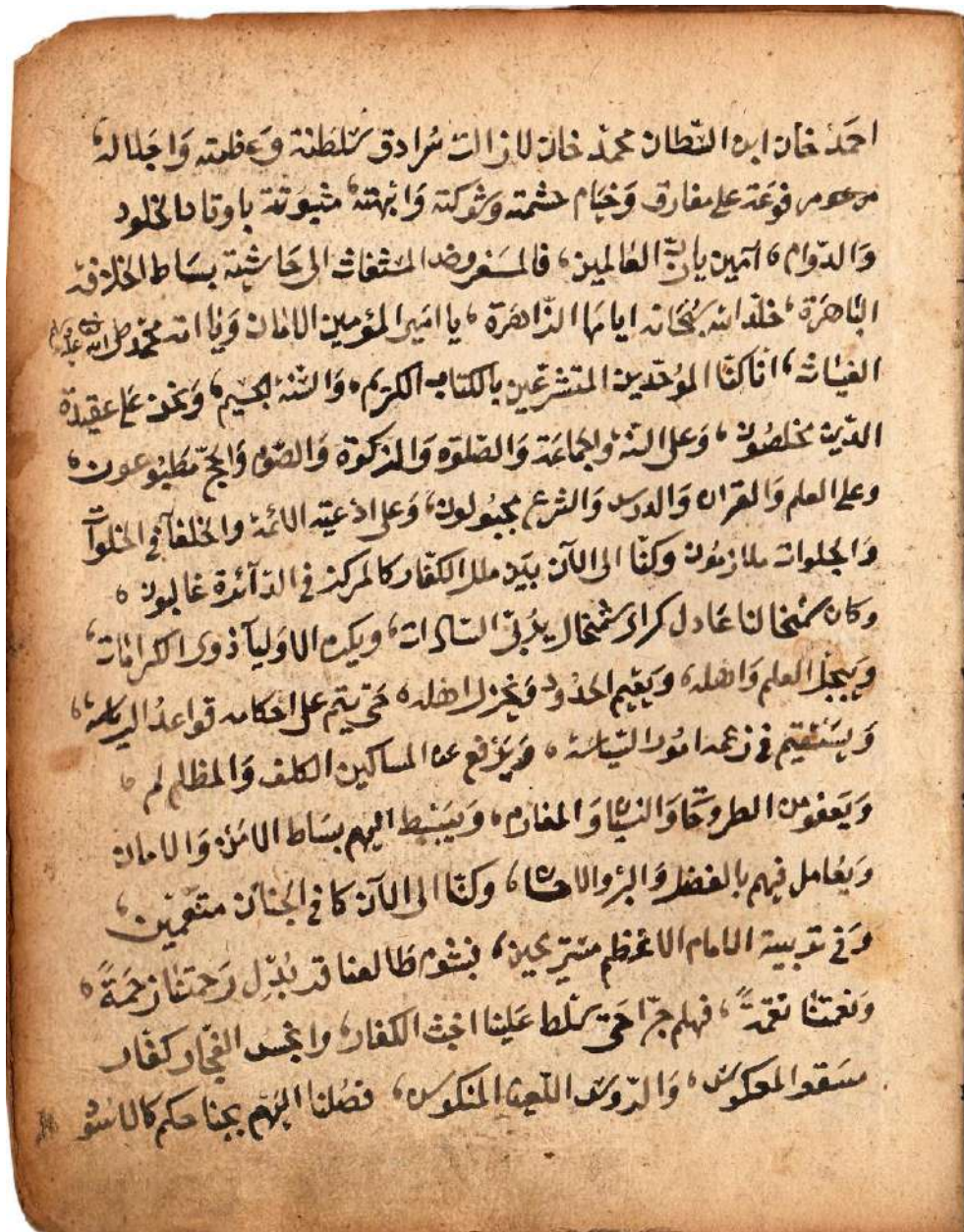

Рис. 2. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 1об.

И до сих мы жили, блаженствуя подобно в Раю, чувствуя себя в безопасности под присмотром (*тарбийа*) верховного имама (*ал-имам ал-а-зам*)¹³, однако по злему року наше благоденствие сменили тяготы, а блага сменились муками, когда края наши наводнили самые мерзкие из неверных и

¹¹ Можно также перевести и как «чудотворцам».

¹² Буквально: «расстила перед ними ковер безопасности и мира».

¹³ Т.е. султан Османской империи.

самые дурные из нечестивцев, коими являются неверные москвиты (*Маскав*¹⁴) и проклятые зло-
 счастливые русы. И тогда мы сами начали нападать на них подобно рычащим львам и стаям волков
 и порой верх брали мы, а порой они. И хотя мы и являемся воинами, закаленными в битвах, хоро-
 шо вооружены и обладаем бесстрашными сердцами, однако наличие [соответствующих] сил и
 снаряжения является условием, необходимым чтобы [действенно] противостоять тому, кто обла-
 дает вооружением и ресурсами, а наличие *джаджана*¹⁵ является обязательным против противника
 равносильного по мощи. И ежели со стороны державы (*ад-давла*)¹⁶ будет назначен над нами вое-
 начальник¹⁷, то в сражениях мы были бы подобны 'Умару и Хайдару'¹⁸.

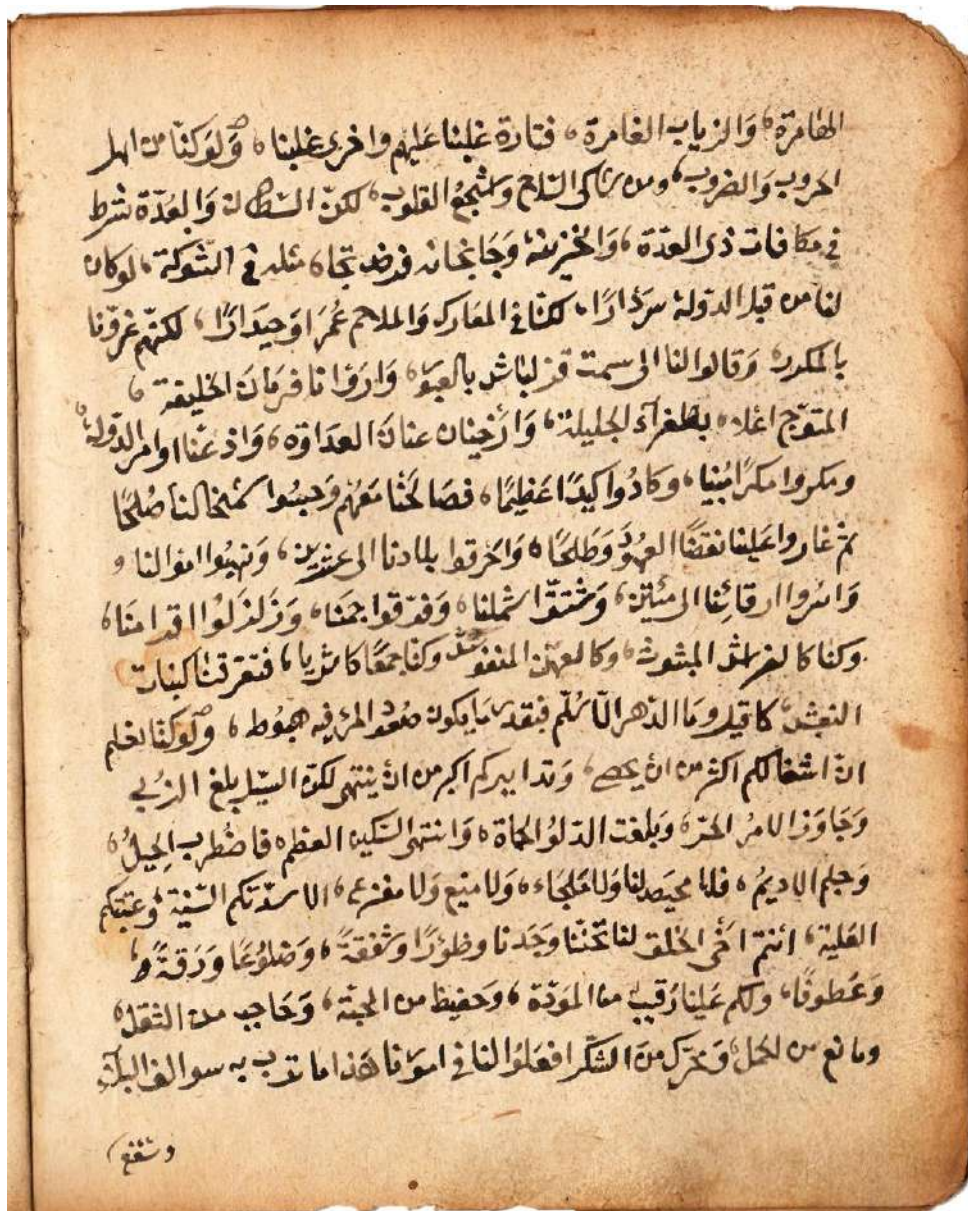

Рис. 3. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 2

¹⁴ Т.е. Российской империи.

¹⁵ Джаджана. Нам не удалось выяснить значение этого термина.

¹⁶ Имеется в виду Османская империя.

¹⁷ В тексте – «сардар».

¹⁸ Имеется в виду что они проявили бы храбрость, подобную той, которой обладали праведные халифы Умар б. Хаттаб (634–644) и 'Али б. Аби Талиб (656–661; Хайдар – его прозвище).

Рис. 4. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 206.

Однако они (московиты) не раз вводили нас в заблуждение [речами], что якобы они направляются в сторону *кизилбашей*¹⁹ и даже показали нам *фирман* халифа, опечатанный великой *тугрой*²⁰. И тогда мы отпустили поводья вражды и подчинились воле державы (*давла*). Они же со своей стороны строили против нас явные козни и проявили великое вероломство. И когда мы заключили с ними перемирие, они в знак этого арестовали нашего шамхала²¹, а после, нарушив

¹⁹ Кызылбашы (тюрк. – «красноголовые») – последователи сефевидских шайхов, ставшие впоследствии основой вооруженных сил государства Сефевидов.

²⁰ В конце 1723 г. было заключено временное перемирие между Османской и Российской империями, а 27 июня 1724 г. после долгих переговоров был заключен мирный договор, по которому побережье Каспийского моря с городами Дербентом и Баку закреплялось за Россией, а Шемаха и прочие земли, отдаленные от берега Каспия – за османами [21, с. 49].

²¹ Адиль-Гирей не смог организовать сопротивления русским войскам и прибыл для переговоров в июне 1726 г. в русский лагерь у Кумторкалы. Здесь он был неожиданно для него взят под стражу, а затем доставлен в крепость Святой Крест и оттуда конвоирован в Астрахань. Местом его заключения стала крепость Кола (ныне г. Кола Мурманской области), где он и умер 26 января 1732 г.

все договоры и перемирие, они [вероломно] напали на нас. Они сожгли до двадцати наших городов²² и разграбили наше имущество, пленили и обратили в рабство более двухсот наших людей. Они рассеяли наше единство и уничтожили нашу целостность. Тем самым они пошатнули нашу решимость, и стали мы подобны рассеянным мотылькам, и оказались разбросаны словно расчесанной шерсти²³, тогда как прежде мы были единым целым подобно [звездам] Плеяды, но рассеялись подобно [звездам] Малой Медведицы. И как говорится в таких случаях: «Время подобно лишь той лестнице, по которой сколько бы не карабкался человек, он всего лишь более опускается вниз».

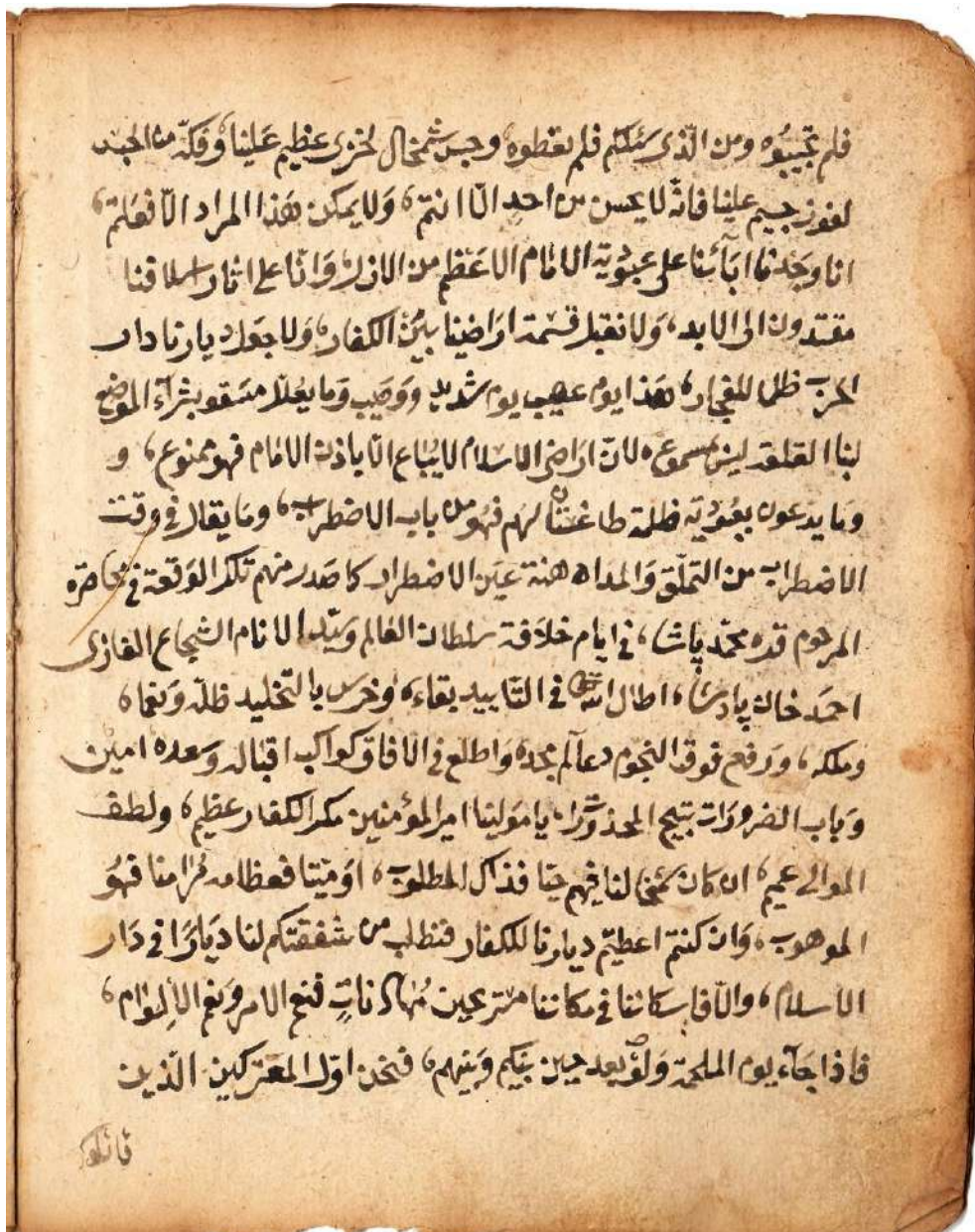

Рис. 5. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 3

²² Во время похода с 27 сентября по 13 октября 1725 г. царскими войсками в количестве 15 тыс. человек под командованием генерал-майоров Г.С. Кропотова и Вл.П. Шереметева были сожжены 20 населенных пунктов с 5640 дворами, около 2000 кутанов и 400 мельниц [16, с. 144, 154].

²³ Коран, 101:4–5

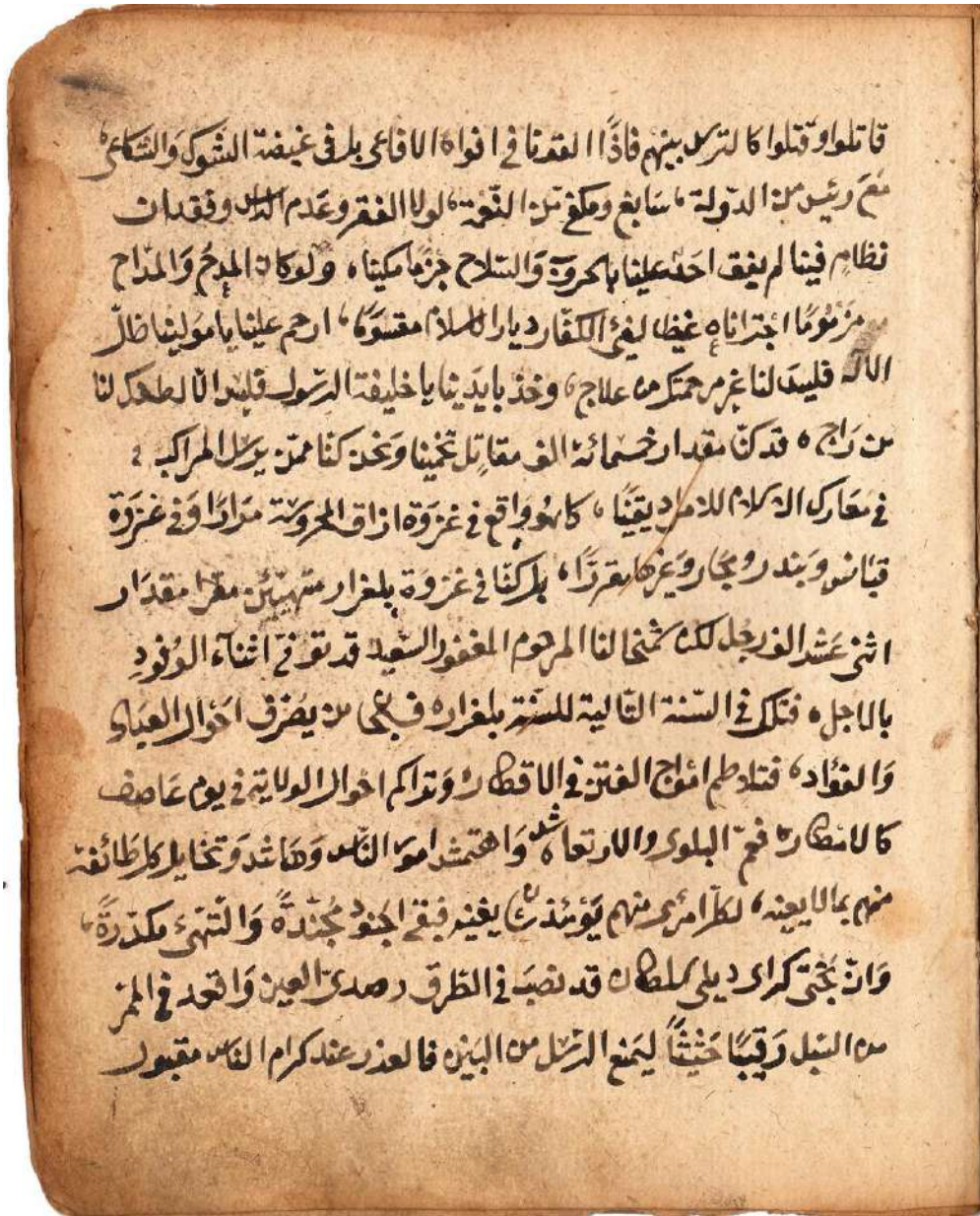

Рис. 6. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 3об.

И хотя мы знаем, что дел у вас несметно и забот ваших не счесть, однако ситуация принимает опасный оборот²⁴ и ждет своей развязки, так же как черпак колодезный достиг до тины и нож врезался в кость. И потому мы оказались в безвыходности подобно шкуре, что не подлежит выделке, и нет нам больше выхода и спасения, кроме как у вашего высокого порога и великих врат ваших. Ведь Вы самый жалостливый к нам из людей, подобный кормилице в сострадании своем, и за нами стоит хранитель [вашей] любви и симпатии и стражник [ваш], что снимает с нас бремя и ограждает от тягот, побуждающих нас возносить хвалу. Так поступайте в отношении нас в этом деле, так чтобы были мы избавлены от прежних бед и заполучили ваше благодеяние в будущем. И тем самым добро, совершенное в прошлом, будет вам засчитано и не припишется вам скопидомство, а блага [ваши] предыдущие сомкнутся в круг с последующими. «Быть может, Аллах отвратит от вас ярость неверующих. Ведь Аллах сильнее всех в ярости и в наказании»²⁵.

²⁴ Буквально: «поток разлился через края».

²⁵ Коран, 4:84.

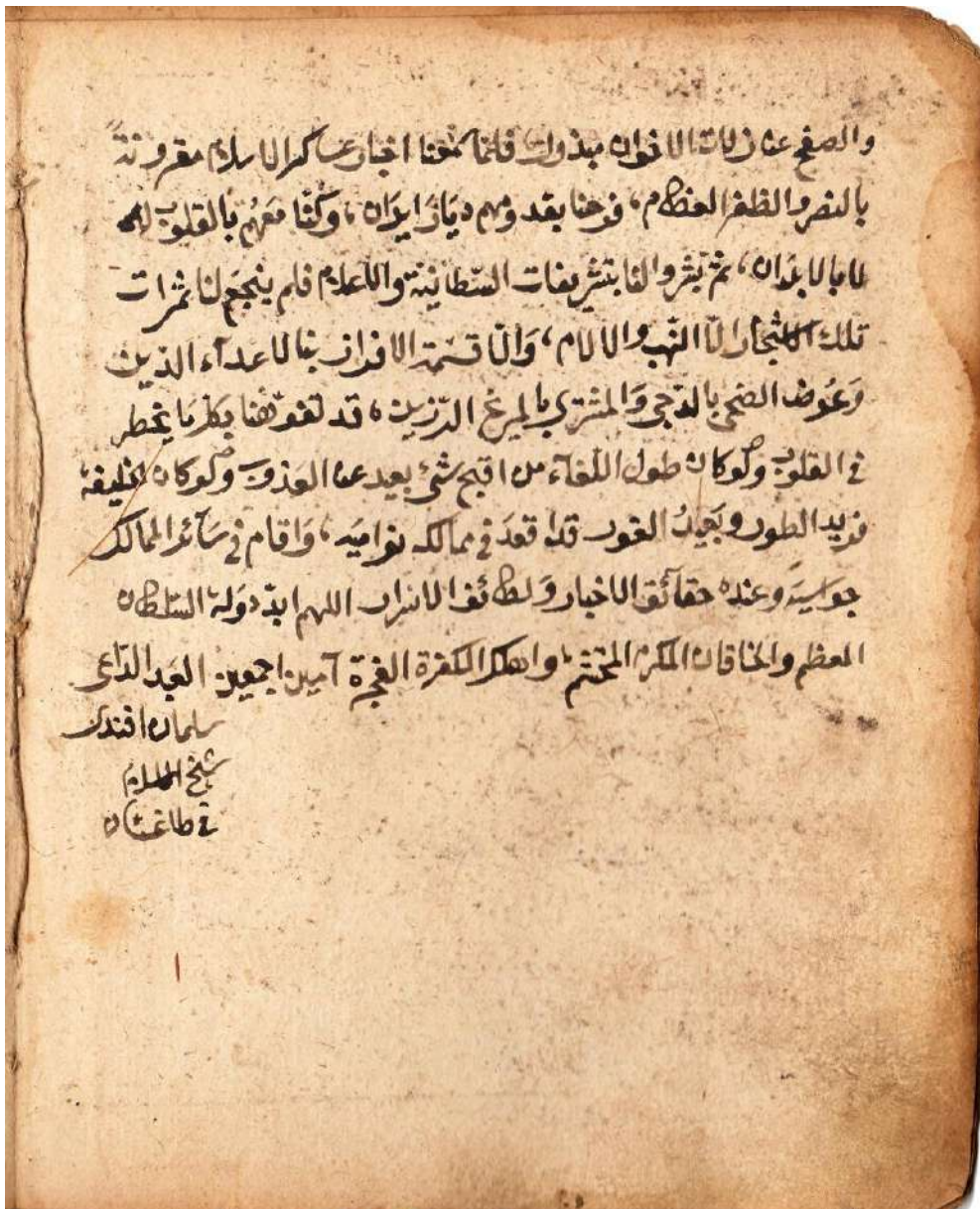

Рис. 7. Послание шайху-л-ислама Дагестана Салмана-афанди султану Ахмеду III, лист 4

Воистину вы и ранее гасили огонь их смуты и подстригли неверным их когти и выкололи им глаза, вы подрезали им крылья и сломали их мечи, вы сорвали с них маски и заперли их двери, вы выщипали им перья и потушили их огни в период правления (букв. *халафа*) правителя правоверных султана Мурад-хана²⁶, да простит его Аллах и помилует, и всех его предков, и да одарит счастьем его потомков. Амин. И произошло это в девятьсот девяностом году²⁷, когда проклятые московиты²⁸ захватили Тагистан. В то время они (московиты) построили здесь двенадцать крепостей, и главный визирь назначил предводителем победоносного войска Джахфар-пашу²⁹, и он совершил с ними то, что совершил, превратив неверных в подобие нивы, изъеденной [саранчой]³⁰.

²⁶ Мурад III (1546–1595) – двенадцатый султан Османской империи (1574–1595), сын султана Селима II и Нурбану-султан.

²⁷ 990 г. хиджры приходится на период с 4 февраля 1582 г. по 23 января 1583 г.

²⁸ В тексте: «Маскав».

²⁹ Бывший наместник Туниса, переведенный в начале 1580-х гг. на восточные границы Османской империи. К весне 1582 г. он известен как комендант Дербента [23, с. 190].

³⁰ Аллюзия на Коран, 105:5

И вторично они (османы) двинулись на них (неверных) в его же (султана Мурад-хана) правление, когда начальником Баб ал-авбава, Дарбанда³¹ был назначен его визирь ‘Усман-паша³², и по воле Аллаха он уничтожил их, превратив в подобие расчесанной шерсти³³.

А это уже третий раз. Да отправит Всевышний Аллах их последующих вслед за своими предшественниками и превратит их в подобие рассеянных мотыльков³⁴ с помощью державы правителя всех правителей и мощи амира правоверных и имама благочестивых, благословенного султана, великого государя, спасителя ислама и мусульман, поборника ясной религии, властелина обоих материков и правителя двух океанов, служителя обеих Святынь, да продлится его власть до Судного дня. Мы вопрошаем к Славной Державе и ожидаем у Высокой Порты³⁵ освобождения нашего шамхала из рук проклятых московитов и спасения нашего правителя из плена порочных и подлых русов любыми способами, ведь ему подвластно все и для спасения угнетенных и страждущих народов он более всех достоин. Окажите же помощь и спасите тех, кто взывал к вам и не получил отклика и обращался к вам, но остался без ответа. Ведь пленение шамхала для нас позор и освобождение его для нас великий успех, но добиться его можете только вы и достичь этой цели в состоянии лишь вашей власти.

Воистину, наши предки испокон веков верно служили верховному имаму (*ал-имам ал-а‘зам*)³⁶, и далее мы также будем следовать за ними на веки вечные. Мы не смирились с тем, чтобы земли наши были поделены между неверными, а край наш был превращен в территорию войны (*дару-л-харб*) и стал [местом] угнетения для нечестивцев. Этот день тяжкий и тяжелый и к оправданиям московитов, что якобы они покупают землю для того, чтобы построить там крепости, не стоит прислушиваться, ведь земли ислама нельзя продавать без дозволения верховного имама, это запрещено. И их утверждения о том, что некоторые правители Тагистана³⁷ подчиняются им, являются со стороны последних вынужденной мерой, а угодливые их речи, сказанные под принуждением, есть не что иное как насилие. Как это было сделано ими в том сражении, когда покойный Курамухаммад-паша³⁸ оказался в окружении в период правления (*халафа*) властелина мира и господина народов бесстрашного воителя за веру Ахмадхан-паши, да продлит Всевышний Аллах его дни под своей сенью. Амин. И как известно, безысходность позволяет прибегать к запретному.

О наш господин, правитель правоверных, коварство неверных велико, а милость правителей всеобъемлюща, и ежели наш шамхал все еще жив, это наша надежда, но все же если он уже мертв, то наша просьба вернуть хотя бы его мощи обратно. Если же вы все-таки отдали наши края неверным, то мы просим по вашей милости выделить нам земли на территории ислама, иначе оставьте нас на землях наших предков в мире и спокойствии, и что, однако, будет наилучшим путем. И когда наступит день сечи, даже спустя время, между вами и неверными, то мы первыми вступим в битву и будем воевать и убивать. И подобно щиту мы встанем перед лицом врага и кинемся мы в пасти змеиные и бросим себя в чашу с шипами и колючками, раздирая себя в кровь вместе с предводителем (*раис*), назначенным [над нами] державой [османов] по его милости всеобъемлющей. И если бы не бедственное положение наше³⁹ и отсутствие правителя, а также дисциплины и порядка в наших рядах, то никому бы не удалось одолеть нас в войнах и вооружении. И хотя самохвалство и похвала достойны порицания, однако мы осмелились при-

³¹ Город Дербент на юге Республики Дагестан.

³² Осман Оздемироглу (1526–1585) – видный военачальник Османской империи, назначенный позже великим визирем Османской империи (занимал эту должность с 28 июля 1584 г. до своей смерти 29 октября 1585 г.) (о нем см.: [25]).

³³ Коран, 101:5.

³⁴ Коран, 101:4.

³⁵ Буквально: «порога».

³⁶ В данном случае под «верховным имамом» подразумевается султан Османской империи.

³⁷ Значительная часть правителей Дагестана вступила в подданство Российской империи.

³⁸ Нам не удалось идентифицировать данную личность.

³⁹ Т.е. материальная нужда, недостаток в провианте и прочих ресурсах.

бегнуть к ним лишь по злости, охватившей нас от мысли, что земли наши могут стать трофеем для неверных, который они будут делить между собой!

О, господин помилуй нас, ведь ты сень Господа на земле, и нет нам спасения, кроме как по милости твоей, и возьми нас за руку. О, наследник посланника Аллаха, ведь кроме твоего милосердия, нам не на что надеяться. Прежде мы были в состоянии собрать более пятисот тысяч воинов, и мы были из тех, кто отправлял своих всадников на войну [во имя] ислама, как это случилось многократно во время битв за хранимый Азак (*Азакъ*)⁴⁰, а также битвах при Кабанасе⁴¹, Бандаре⁴² и Маджаре⁴³ и в других местах. Мы также собирались выйти на битву [за] Булгар, подготовив более двенадцати тысяч воинов, однако наш благословенный шамхал упокоился прямо перед нашим выступлением⁴⁴. И случилось это на следующий год после Булгара⁴⁵. Пресвят Тот, кто распоряжается делами рабов своих и их сердцами, и тогда волны смут покрыли страны и беды обрушились [на наш] край подобно бурям и людей охватила всеобщая тревога и дела их смешались и пришли в замешательство, и у каждой группы возникли беспутные мысли, ибо каждому человеку не было дела до другого⁴⁶. И потому войска так и остались мобилизованными, но готовность их была омрачена. И тогда Бахтай Гирай-дили-султан⁴⁷ установил на дорогах засаду и во всех проходах и тропах расставил дозорных, чтобы воспрепятствовать вражеским посланцам. И все же благородным свойственно принимать оправдания и прощать проступки своих братьев.

Когда до нас дошли вести о том, что войска мусульман⁴⁸ вошли в земли Ирана и одержали великие победы, нас охватила неопишуемая радость, и хотя мы не были с ними своими телами, но сердца наши были рядом с ними. После чего, когда они обрадовали нас султанскими почестями и вестями, увы, плоды тех деревьев принесли нам лишь насилие и [ничего] кроме удела быть утраченными врагами религии, и тогда рассвет сменился сумерками и спокойный Марс сменился на мятежный Юпитер⁴⁹.

И хотя длинные речи далеки от сладости, мы все же осмелились высказать все, что пришло на сердце, несмотря на высокостепенность халифа и на то, что он твердо управляет в своих богатых владениях и положил свою десницу на остальные страны и несмотря на то, что он ведает истинным положением вещей и сокровенными тайнами.

О, мой Господь, продли правление высокочтимого султана и почтеннейшего хакана и уничтожь порочных неверных, Амин и да примет Он наши молитвы!

Раб божий, возносящий молитвы [за Вас] Салман-афанди, шайху-л-ислам⁵⁰ в Тагистане.

⁴⁰ Крепость Азов на одноименном море (ныне г. Азов в Ростовской области).

⁴¹ Кабанас – населенный пункт, располагавшийся на р. Кубань, на территории Краснодарского края. Бахты-Гирей воспринимался в Крымском ханстве и естественно в Стамбуле как мятежник и в мае 1718 г. на Кубань прибыл Селим-Гирей, сын крымского хана, направляясь к Тамани и Темрюку. Он привлек дополнительные силы из Крыма и Кабарды. Решающий бой состоялся на р. Кубани на переправе Мамет-Пиреева. Бахты-Гирей, при котором находилось 3000 татар, был разбит Селим-Гиреем и бежал в верховья Кубани [17, с. 210].

⁴² При возвращении на Кубань из крупного похода в верховья Волги Бахты-Гирей с войском в урочище Бедерле столкнулся с крупным формированием донских казаков. Здесь у р. Бердии, притоке Иловли между Волгой и Доном, 19 августа 1717 г. произошла битва, и ее результатом стало освобождение из плена от 1 до 1,5 тысяч русских, захваченных в плен во время похода [17, с. 207].

⁴³ Маджар – населенный пункт, располагавшийся на р. Кума, в восточной части Ставропольского края. В российских архивных источниках упоминается о пребывании Бахты-Гирея «по сю сторону Кубани в урочище Кубанском городке Мажоре» [17, с. 206].

⁴⁴ Речь идет о смерти шамхала Умалата сына Хана из Эндирея, что имело место в 1719 г. [26, с. 33].

⁴⁵ Буквально: «Года Булгара». Булгар – крепость и населенный пункт на реке Волга в пределах Республики Татарстан. Поход на Булгар состоялся в 1717 г.

⁴⁶ Аллюзия на аят из Корана (80:37), который звучит как: «Ибо каждому человеку будет не до них...».

⁴⁷ Бахты-Гирей (ум. 1729) – султан, сын крымского правителя Девлет-Гирея. После смещения его отца с престола Крыма в 1713 г. осел на р. Кубань, где стал самостоятельным правителем, устраивая походы на окраины Российской империи.

⁴⁸ Буквально: «ислама».

⁴⁹ Образное выражение, что означает счастье сменилось на несчастье.

⁵⁰ *Шайху-л-ислам* – почетный титул в исламе, который получал наиболее авторитетный ученый-богослов какой-либо страны либо области.

Исторический контекст

В XVI в. усиливавшееся государство Сефевидов проводило политику экспансии на Восточный Кавказ, в т.ч. путем переселения сюда лояльных шиитских тюркоязычных племен. Политика эта началась при сефевидском шахе Исмаиле I (1501–1524). Как пишет дербентский историк XIX в., во время царствования этого шаха «среди исламской общины и в Иранских провинциях многие покинули суннитскую веру и вошли в шиитскую веру двенадцати имамов. В их числе [было и] население Дербендской общины, которое исповедовало шафитское толкование ислама. [Оно] натянуло на шею послушания ярмо вероисповедания имама Джафара» [7, с. 69]. Исмаил I в 1510 г. приказал переселить из Тебриза в Дербент 500 семей из племени «урумий» [7, с. 67; 8, с. 53]. Как пишет Е. Козубский, «с этих пор началось персидское владычество в Дербенте, жители которого сделались шиитами» [8, с. 53]. Дело своего отца продолжил и следующий сефевидский правитель Тахмасп I (1524–1576), который переселил 400 семей «племени курчи» в Дербент [7, с. 71; 8, с. 54].

В Стамбуле были всерьез озабочены усилением шиитов на Восточном Кавказе, и 23 декабря 1574 г. при султানে Мураде III собралось все высшее руководство Османской империи [9, с. 107–108]. Поводом для собрания, согласно османскому историку Мустафе Али Гелиболулу, послужило обращение трех дагестанских правителей: газикумухского шамхала «Чобана» (*Gazi Kumuk Şamhalı Çoban Han*), табасаранского правителя Гази Салиха (*Tabasaran hakimi Gazi Salih Bey*) и аварского правителя Тучалава (*Avar Hakimi Tusalav Burhanuddin Bey*) с призывом о помощи в борьбе с Сефевидскими правителями, чью экспансию им с трудом удавалось сдерживать [10, с. 60; 11, с. 92].

На собрании ставился вопрос «восстановления суннизма» на Кавказе, однако дело до похода дошло лишь в 1578 г. Османское войско главного визиря Лала-Мустафа-паши при поддержке дагестанских правителей добилось больших успехов в борьбе с Сефевидским государством. Значительную помощь турецким войскам оказали местные сунниты, которые находились под религиозным давлением шиитской династии Сефевидов. В конце мая 1579 г. Лала-Мустафа-паша после некоторого сопротивления занял Дербент. В конце сентября того же года ему на помощь прибыло войско крымских татар под руководством Мухаммад-Гирея, и в октябре они совместными усилиями очистили регион от кызылбашских войск [9, с. 107–108]. Осман Оздемир-оглы остался в Дербенте в качестве османского наместника во главе 1000 янычаров [12, с. 40]. В 1607 г. шах Аббас I снова захватил Дербент, однако исследуемый нами источник об этом умалчивает.

Оставив без упоминания также события XVII в., публикуемый источник обращается к военно-политической истории Восточного Кавказа начала XVIII в. Тогда противостояние за контроль над Восточным Кавказом началось между Россией и Ираном. При этом шамхалы являлись официально вассалами Ирана, а горцы, судя по всему, выступали за независимость Дагестана. Одними из сторонников подобной позиции являлись нуцалы Аварии, которые придерживались антисефевидских настроений. Об этом говорится и в ответном письме от 1115 г.х. (1703/1704 г.) знаменитого дагестанского алима Мухаммада сына Мусы из Кудутля (ум. 1717) Мухаммад-нуцалу (соправление: 1703–1730). В нем он пишет, чтобы нуцал не делал поспешных выводов о том, что тарковский «шамхал погубит владение предков», будучи подкуплен рафидитами (мн. ч. араб. رافضة روافض, ед. ч. رافض – «отвергающий», «оставляющий»), т.е. шиитами Сефевидами, но просит известить людей, если это окажется правдой [13, с. 139].

В тот период между различными владельцами в Приморском Дагестане шла ожесточенная борьба за престол шамхала. В 1704 г. в борьбе с Адиль-Гиреем погиб шамхал Хан сын Мухаммада (Баммата). Избранный шамхалом Умалат сын Хана (годы официального правления: 1704–1719)

совместно с эндириевским владетелем Чупаном в 1704 г. осадили Тарки, пытаясь выбить оттуда Адиль-Гирея, однако вынуждены были отступить в результате оказанной последнему помощи терскими воеводами, в то время как Умалат-шамхала поддерживали в Иране. Таким образом, официальный шамхал – Умалат обосновывается в Казанище, а претендент на это звание Адиль-Гирей – в Тарки. При этом «тарковский владелец» Адиль-Гирей просит русских посланников отправить к нему военную помощь для того, чтобы совместно с уцмием выбить из Казанища Умалат-шамхала [14, с. 37–38]. В 1717 г. в своем письме Петру I Адиль-Гирей старается убедить царя, что его противники – казанищенский владетель Умалат, эндириевский Чупан и буйнакский Муртузали являются также врагами России, а сам он переходит из подчинения Ирану в подданство России [15, с. 226; 16, с. 42–43, 47]. Противостояние Адиль-Гирея и Умалат-шамхала длилось почти два десятилетия, вплоть до смерти последнего в 1719 г. [15, с. 230].

Судя по посланию Салмана-афанди, значительное влияние на ситуацию на Северном Кавказе в тот период оказывал султан Бахты-Гирей (ум. 1729 г.), сын крымского правителя Девлет-Гирея. После смещения его отца с престола ханов Крыма в 1713 г. Бахты-Гирей осел на р. Кубань, где стал самостоятельным владетелем, устраивая походы на окраины Российской империи. Он также разграбил улусы ногайских мурз на Кубани, заявивших о лояльности новому хану Каплан-Гирею (1713–1716), и начал истребление знати части кубанских ногайцев. Другая часть ногайцев Кубани оказала поддержку Бахты-Гирею, пытавшемуся увеличить население Прикубанья путем насильственного переселения ногайцев с калмыцких и российских территорий. В начале 1715 г. он совершил набег в калмыцкие кочевья под Астраханью, разгромил войска хана Аюки, который потерял убитыми больше 3000 человек, и разграбил его ставку. Взаимоотношения Бахты-Гирея с калмыками складывались под влиянием междоусобной борьбы, назревавшей в Калмыцком ханстве. Престарелый хан Аюка с трудом удерживал власть, но и Бахты-Гирей также находился в весьма затруднительном положении, и тогда он заключает соглашение с Аюкой, а в начале 1717 г. к нему приезжает сын Аюки – Чакдоржап [17, с. 205].

Объединив под своим началом значительную военную силу, Бахты-Гирей летом 1717 г. организовывает крупный поход к Астрахани и Царицыну, по Воронежской, Казанской и Нижегородской губерниям. Из донесения от 8 августа 1717 г. известно, что вместе с Бахты-Гиреем были его брат, три султана во главе отрядов, присланных азовским пашой, калмыки хана Аюки, а также «бунтовщик» Игнат Некрасов. В 1736 г. при составлении росписи набегов татар, турок и «других народов» на российские земли в письме вице-канцлера А.И. Остермана великому визирю Османов речь зашла и о набеге Бахты-Гирея, который многие города «до основания разорил» и русским землям «на многие миллионы» убытков причинил [17, с. 206–207].

Однако России удалось не только оправиться от этого похода, но даже усилить свои позиции на Северном Кавказе. Этому способствовал и глубокий кризис иранской государственности, который обернулся весной 1722 г. взятием столицы Исфахана афганским войском. В Санкт-Петербурге и Стамбуле, осознав, что государству Сефевидов пришел конец, захотели принять участие в разделе его «наследства». На собрании правящей элиты Османской империи, состоявшемся 4 мая, было принято решение о выдвижении войск, которые должны были занять Южный Кавказ и другие приграничные области Ирана. Петр I решил опередить османов, и в середине мая 1722 г. во главе гвардии выдвинулся из Москвы и 15 июня прибыл в Астрахань. 27 июля русский флот прибыл к Аграханскому полуострову, где на следующий день была высажена пехота. Туда же через неделю прибыли конные отряды, которые по пути разорили и сожгли Эндирей. 12 августа Петра I на подходе к Тарки встречал Адиль-Гирей и проводил в подготовленный им для русских войск лагерь [16, с. 64].

23 августа того же года армия Петра I, преодолев по пути сопротивление отрядов кайтагского уцмья Ахмад-хана, утамышского султана Махмуда и других правителей, прибыла к Дербенту. По

мнению Т.Т. Мустафазаде, в условиях агонии сефевидского государства и «изоэтрной политики» Петра I ему удалось обеспечить лояльность сефевидских гарнизонов и шиитского населения основных городов Ширвана. Петр I объявлял им, что является другом сефевидского шаха, который временно занимает данную территорию, чтобы предотвратить ее захват Османской империей и прочими суннитскими правителями, а впоследствии якобы он вернет эти земли. Поскольку сефевидские правители проводили целенаправленную политику заселения ключевых городов и крепостей лояльным шиитским населением и «большую часть горожан Ширвана, в отличие от деревенских жителей – суннитов, составляли шииты», поневоле ставшие мишенью восставшего суннитского населения, подобная агитация Петра I имела значительный успех [18, с. 46]. Население Дербента во главе с Имам Кули-беком торжественно встретило императора и преподнесло ему ключи от города (см.: [19, с. 306–322]).

Дагестанцам из числа противников Петра I удалось сформировать крупный отряд, способный в ходе партизанской войны отрезать русской армии пути снабжения, в то время как царя преследовали неудачи – вдобавок к падежу большей части лошадей корабли Каспийской флотилии с мукой и прочим провиантом затонули во время шторма [18, с. 49]. В этих условиях решение повернуть обратно было оптимальным для Петра I, который в начале сентября покинул с войсками Дербент, оставив там гарнизон (о Дербентском гарнизоне см.: [20]). Во время отступления отряды Хаджи-Давуда, кайтагского уцмийа и газикумухского хана предприняли штурмы двух редутов царских войск. Один из редутов, расположенный на р. Орта-Буган, был захвачен, из гарнизона в 134 человек спаслось лишь трое. Второй гарнизон удалось вывести из Дербента [16, с. 71].

После некоторых колебаний 31 декабря 1722 г. из Стамбула к Хаджи-Давуду был направлен посланник Дервиш Мехмет-ага с султанской грамотой, в которой сообщалось о принятии его под юрисдикцию Османской империи. Ему предписывалось также вытеснить русский гарнизон из Дербента [18, с. 59]. Согласно турецкому источнику, после этого между Сурхай-ханом и Хаджи-Давудом усилилась конфронтация [21, с. 74–75]. Также Сурхай-хан пытался организовать более широкий фронт против царских войск, захвативших ключевые пункты равнинного Дагестана. В апреле – мае 1723 г. Сурхай-хан обратился с посланием к шамхалу Адиль-Гирею, в котором потребовал от него присоединиться и с угрозой, что все дагестанцы от Кюры до Цунты выйдут против него, если он не добьется вывода русских войск из Тарковского шамхальства [22, с. 541].

В 1722–24 гг. между царскими войсками и Адиль-Гиреем возникали некоторые трения. Грамотой от 21 сентября 1722 г., как и ранее шахи Ирана, Петр I провозгласил Адиль-Гирея «над дагистанцы шамхалом», однако по факту он получил только Утамыш, отобранный у мятежного владельца Махмуда. В то же время обитавших в низовьях р. Сулак ногайцев Петр I приказал принять «в нашу службу», поскольку они обеспечили царские войска мясом и рыбой. В июне 1724 г. шамхал Адиль-Гирей и уцмий Ахмад-ханом направились в совместный поход на Шемаху и подчинили часть территории своей власти, что входило в противоречие с планами России [16, с. 120].

В конце 1723 г. было заключено временное перемирие между Османской и Российской империями. А 27 июня 1724 г. после долгих переговоров был заключен мирный договор, по которому побережье Каспийского моря с городами Дербентом и Баку закреплялось за Россией, а Шемаха и прочие земли, отдаленные от берега Каспия, – за османами. На территории Ширвана учреждалось отдельное Шемахинское ханство во главе с Хаджи-Давудом, который, как и крымские ханы, находился под протекторатом Османской империи. В это ханство вошла также почти вся долина Самура, за исключением его верховьев [23, с. 49]. Поскольку на эту территорию претендовал Сурхай-хан, это стало причиной последующих конфликтов между ним и Хаджи-Давудом [23, с. 50]. Тем

же периодом датируется письмо шамхала Адиль-Гирея, в котором он пишет о своем желании направиться в Шемаху для встречи с османами [13, с. 142].

Взаимные противоречия достигли апогея к осени 1724 г., когда указом Коллегии иностранных дел России командующему царскими войсками ген.-майору Г.С. Кропотову было предписано каким-либо образом задержать шамхала Адиль-Гирея и под арестом отправить его в Астрахань. Однако исполнить этот приказ сразу не удалось – шамхал неоднократно уклонялся от приглашения на переговоры [16, с. 112]. Захватить в плен Адиль-Гирея и привести в покорность «свободное и воинственное население Дагестана было тем труднее, что строительство российских укреплений воспринималось как покушение на их земли» [16, с. 139]. Мосты, связывавшие Адиль-Гирея с Кропотовым, оказались уже сожжены, и шамхал уже не сопротивлялся попыткам организации нападений на царские гарнизоны по Сулаку.

Тем самым в Северном Дагестане начались военные действия против гарнизонов русских крепостей, расположенных в низовьях Сулака. Сборный отряд 10 января 1725 г. атаковал верхний «городок» донских казаков на Сулаке, находившийся в 10 верстах выше крепости Святой Крест. Дагестанцам удалось нанести поражение царским войскам, которые потеряли 80 человек убитыми. Кроме них потери понесли и военные поселенцы. У казаков угнали 1216 коней, из военного обоза – 203 лошади. Были перерезаны пути сообщения главной крепости с военными поселениями казаков. Весной 1725 г. среди российских войск началась эпидемия, в результате которой особенно пострадали украинские казаки. За период с 1 апреля до 16 мая от цинги скончались 587 солдат и 2204 казака. Эти события не способствовали активности царских войск, отсиживавшихся в осаде [16, с. 139–140].

В этих атаках русское командование подозревало шамхала Адиль-Гирея и потребовало встречи с ним. Владетель Тарки от встречи дипломатично уклонялся, предполагая, что его могут арестовать. В сентябре командование российскими войсками приняло решение об организации карательной экспедиции против Адиль-Гирея. За счет переброски войск из Астрахани и других пунктов был организован отряд численностью в 11,5 тыс. человек, в т.ч. из 7420 конных казаков и калмыков. Командование отрядом было поручено генерал-майорам Г.С. Кропотову и Вл.П. Шереметеву. Поход продолжался с 27 сентября по 13 октября 1725 г. [16, с. 144].

Согласно журналу военных действий были сожжены и разрушены селения Кумторкала (200 дворов), Тарки (1200), Исису (200), Туркали (90), «Амерхалкин» (Амирханкент – 60 дворов), «Албур» (Альбурикент – 60 дворов), Канибур (200), «Аганкул» (Агачкала – 100 дворов), «Караптак» (Карабудахкент – 790 дворов), Гели (400), «Баркент» (Параул – 400), Дургели (200), Губден (200), Нижнее Казанище (1000), Верхнее Казанище (300), Муслимаул (30), Шури (Темирхан-Шура – 100), Кафыр-Кумух (100), Халимбек-аул (60), Капчугай (50). В итоге были сожжены и разрушены 20 кумыкских и даргинских «деревень», состоявших из 5640 дворов, убиты 639 человек, сожжено около 2000 построек на кутанах, разрушено 400 мельниц. Потери российских войск составили 65 человек убитыми и 82 ранеными [16, с. 145–153].

Адиль-Гирей не смог организовать оборону своих населенных пунктов или даже не пытался это сделать, поскольку, как на то указывает И.В. Курукин, «российский корпус беспрепятственно совершал рискованные переходы в ущельях, где можно было бы без труда организовать нападение на него» [16, с. 154–155]. Он же со ссылкой на показания пленных пишет, что воины шамхала были им недовольны, ему не удалось также заручиться поддержкой других владетелей Дагестана. Русское командование также избирательно подходило к репрессиям, поскольку, несмотря на разрушения селений, принадлежавших шамхалу, прочие населенные пункты не пострадали. К примеру, разрушенные и сожженные оба Казанища находились по соседству с Дженгутаем, который не подвергся репрессиям, поскольку «онный не шафкальского владения» [16, с. 154–155].

12 декабря 1725 г. был организован еще один поход, но уже не на владения шамхала Адиль-Гирея, а в Эрпели. Под командой тех же генералов находились на этот раз 3793 солдата и драгунов и 5452 из «нерегулярных» войск, т.е. казаков и калмыков. Из Святого Креста через разоренную Кумторкалу российский корпус двинулся на Эрпели и опять же без серьезного сопротивления сжег 3 населенных пункта (Верхние Эрпели – 1100 дворов, Нижние Эрпели – 300 дворов и Медигин – 300 дворов). Потери эрпелинцев составили 212 человек убитыми и 95 пленными (43 мужского и 52 женского пола). Царские войска также угнали 4700 голов скота. Потери со стороны царских войск составили убитыми и пропавшими 13 человек [16, с. 157].

В январе 1726 г. в крепость Святой Крест явился племянник шамхала с принесением присяги, а затем Сурхай-хан сообщил, что он склоняет Адиль-Гирея к тому же. В феврале царские войска совершили еще один набег на владения шамхала, результатом которого стало убийство 85 человек и угон около 900 голов скота. 18 мая из Святого Креста вышел еще один отряд численностью в 9,2 тыс. человек, а уже 21 мая около Кумторкалы шамхал Адиль-Гирей явился в лагерь, получив заверения в сохранении его жизни. Он был арестован и в августе 1726 г. с ним в крепости Святой Крест встретился новый главнокомандующий царских войск В.В. Долгоруков, который «сделал ему суровый выговор», но Адиль-Гирей не стал просить прощения, как того, видимо, ожидал Долгоруков, а наоборот, высказывал ему ответные претензии. Адиль-Гирея было решено отправить в Архангельскую область. Он сначала был переправлен в Астрахань, а затем в 1730 г. в Колу (ныне Мурманская область), где и умер 26 января 1732 г. [16, с. 246].

В изложении А. Бакиханова эти действия предстают так, будто шамхал Адиль-Гирей заключил договор с турками, что, вероятно, произошло в Шемахе, и был подстрекаем ими к нападению на крепость Святой Крест с 30-тысячным войском. По крайней мере в последнем следует усомниться, поскольку, обладая такой армией, он вряд ли позволил бы вдвое меньшему отряду царских войск разорять свои владения. Согласно Бакиханову, «генерал Кропотов отразил нападение, опустошил его владение и разорил Тарки. В связи с этим император упразднил звание шамхала и управление этим краем поручил русскому начальнику войск, находящихся в Ширване. Сам Адил Гирей, прибывший после этого в лагерь, был схвачен и отправлен в Россию, где и умер в городе Коле [Архангельской губернии]» [24, с. 134].

Таким образом, с 1722 до 1735 г. Восточный, т.е. Приморский Дагестан оказался в составе России напрямую, т.е. не в качестве автономной пограничной провинции, как это было в случае с Сефевидской империей, а будучи в подчинении командующего царскими войсками. Ситуация изменилась только в 1735 г., когда в результате мирного договора Россия была вынуждена оставить прикаспийские земли от Гиляна до р. Терек и разрушить крепость Святой Крест, основав вместо нее крепость Кизляр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Назир ад-Дургели*. Усилада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхāн фī тарāджим ‘уламā’ Дāгистāн) / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Марджани, 2012. 427 с.
2. Маламагомедов Д.М. Мыслители и ученые Аварии второй половины XVIII – начала XIX века // Дибир-кади из Хунзаха и вопросы гуманитарного наследия дореволюционного Дагестана : материалы юбилейной научной сессии, посвященной 270-летию со дня рождения ученого (Махачкала, 29 мая 2012 г.) и статьи по вопросам гуманитарного наследия дореволюционного Дагестана / под ред. П.М. Алибековой. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. С. 111–132.
3. *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 213–229.

4. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. / под ред. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 304 с.
5. *Маркарян С.А.* История Ирана в средние века – от Сасанидов до Каджаров (с III в. н.э. до первой трети XIX в.). Ростов н/Д: Книга, 2010. 431 с.
6. *Isfahani Sadik*. The geographical works of Sadik Isfahani / translated by J.C.; from original Persian Mss. in the collection of Sir William Ouseley, the editor. London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1832. 152 p.
7. *Визиров Мирза Хайдар*. Новая книга, называемая Дербенд-наме йи джадид / пер. с перс. яз., предисл. и коммент. *А.Н. Козловой*. Махачкала: ИИЯЛ, 2002. 103 с.
8. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1906. 468 с.
9. *Фарзалиев Ш.* Османский хронист Ибрахим Рахимизада о Дагестане (70-е гг. XVI в.) // Восточные источники по истории Дагестана / под ред. *М.-Г. Садыки*. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1980. С. 105–108.
10. *Sadik Bilge M.* Osmanlı devleti ve Kafkasya. Istanbul, 2005. 460 p.
11. *M. Sadik Bilge*. Osmanlı Çağ'ında Kafkasya, 1454–1829: (tarih – toplum – ekonomi). Istanbul: Kitabevi Yayınları, 2012. 738 p.
12. *Печевы Ибрахим Эфенди*. История: (Извлечения по истории Азербайджана, сопредельных стран и областей периода 1520–1640 гг.) / пер. с тур. яз. и примеч. *З.М. Буниятова*. Баку: Элм, 1988. 98 с.
13. *Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М.* Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. (По письмам Мухаммада Кудутлинского и Адил-Гирайа б. Будай-шамхала Тарковского) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. / под ред. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1981. С. 134–145.
14. *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана / под ред. *М.О. Косвена и Х.М. Хашаева*. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 6–59.
15. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: док. и материалы / сост. *Р.Г. Маршаев*. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. 336 с.
16. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 353 с.
17. *Грибовский В., Сень Д.* Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. деятельность кубанского сераскера Бахты-гирея // Україна в Центральній Європі. 2010. Вип. 9–10. С. 193–226.
18. *Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку: Элм, 1993. 240 с.
19. *Магарамов Ш.А.* «О его верности известно всем»: политическая деятельность наиба Дербента Имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 2. С. 306–322.
20. *Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И.* История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735). Махачкала: Лотос, 2021. 192 с.
21. *Мамедов Г.М.* «Каиме» Бедреддинзаде Али-бея (статья 1) // Известия АН АзССР (серия истории, философии и права). Баку, 1988. № 3. С. 67–108.
22. *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. Архивные и нарративные источники 1699–1725 годов, российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.
23. *Сотавов М.Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700–1783) в свете влияния их на Дагестан. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 168 с.
24. *Бакханов А.К.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
25. *Reyhan Şahin Allahverdi*. Kafkas Fatih Özdemirolu Osman Paşa. Istanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2016. 340 p.
26. *Айтберов Т.М.* Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала: РГЖТ, 2008. 192 с.

Поступила в редакцию 24.11.2023 г.
Принята к печати 22.12.2023 г.

* * *

Хапизов Шихбан Магомедович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: markozul@mail.ru

Shakhban M. Kharizov, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: markozul@mail.ru

Нурмагомедов Абдулгамид Магомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: markozul@mail.ru

Abdulgamid M. Nurmagomedov, Candidate of History, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: markozul@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: shehmagomedov.magomed@yandex.ru

Magomed G. Shehmagomedov, research, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of the RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: shehmagomedov.magomed@yandex.ru